

Этой григорьевской «искренности» и «святой простоты» у Розанова критик не находил, видя в «Опавших листьях» только ложь, циничное «раздевание своей души», «разврат мысли и слова»,⁸⁵ а в выпадах Блока в адрес розановских оппонентов, вероятно, те «желчные пятна», тот «не претворенный в истинное искусство» «незаконный гнев», за который Григорьев укорял Некрасова, видя в поэте «великую, но попорченную силу» (с. 62).

⁸⁵ Айхенвальд Ю. И. Неопытность. С. 6.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-4-174-185

© П. Н. Гордеев

ОТ «БОРЬБЫ С ЦАРИЗМОМ» — К «ЦАРЮ МАКСИМИЛИАНУ»: ЖИЗНЕННЫЕ ПЕРИПЕТИИ В. В. БАКРЫЛОВА

Создатель свода «Комедии о царе Максимилиане и непокорном сыне его Адольфе» Владимир Васильевич Бакрылов родился 9 января (ст. ст.) 1893 года в Вологде и спустя два дня был крещен во Власьевской церкви. Рано лишившись отца (мещанин Василий Иванович Бакрылов скончался от рака 18 августа 1893 года¹), он, благодаря матери Евгении Федоровне, занимавшейся торговлей кружевами (а впоследствии помогавшей ему в революционной деятельности), смог получить образование и поступить в Вологодскую мужскую гимназию, где доучился до пятого класса.² К этому времени (возможно, под влиянием брата, студента Санкт-Петербургского университета Василия Бакрылова) Владимир увлекся «освободительным движением». 18 июля 1908 года вологодские жандармы провели обыск у братьев Бакрыловых, в ходе которого у них обнаружилась «разная революционная литература в значительном количестве, из коей 19 экз. брошюры „Наша программа“ и по несколько экземпляров других изданий»; по итогам обыска было возбуждено дознание.³ Последовал непродолжительный арест и исключение из гимназии; вернуться к учебе Бакрылов смог только в 1909 году в частном реальном училище А. С. Черняева в Петербурге.⁴ Впрочем, и там юноша не доучился — по воспоминаниям его тогдашнего знакомого и товарища по

¹ Государственный архив Вологодской области. Ф. 496. Оп. 23. № 7. Л. 121 об. — 122, 145 об. — 146.

² И. Р. [Иванов-Разумник Р. В.]. Владимир Васильевич Бакрылов // Каторга и ссылка. 1926. № 7–8. С. 306. Очерк Р. В. Иванова-Разумника о В. В. Бакрылове в той части, которая касается дореволюционного периода его жизни, в значительной степени написан на основе рукописной справки, сохранившейся в архиве Иванова-Разумника. На обложке документа (данной сотрудниками Рукописного отдела Пушкинского Дома) в качестве автора значится «Бакрылова», а сама единица хранения озаглавлена: «[„Владимир Васильевич Бакрылов родился...“] биографические сведения о сыне В. В. Бакрылове для „Словаря революционных деятелей“». Н. И. Гаген-Торн, работавшая с этим делом в ноябре 1974 года, оставила в нем записку, в которой отметила: «Мне непонятна надпись на обложке „о сыне В. В. Бакрылова“, о сыне нет ни слова и даже неизвестно, был ли сын-то» (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 6. Обложка и вкладка). Между тем, очевидно, речь идет не о сыне Бакрылова. Рукопись, более половины которой посвящено описанию детства и юности Владимира Васильевича (с подробностями, вряд ли известными посторонним людям: так, упоминается, что в 1908 году в его комнате жандармами была найдена «в печке» пачка эсеровских прокламаций — Там же. Л. 1), надо полагать, была создана его матерью, Е. Ф. Бакрыловой (упоминания о ней в тексте даны в третьем лице) по просьбе Иванова-Разумника, готовившего очерк о ее сыне.

³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 205. № 4464. Л. 1–2.

⁴ Розанов Ю. В. Фольклорист и театральный деятель Владимир Бакрылов: страницы биографии // Вестник Вологодского гос. ун-та. Сер. «Гуманитарные, общественные, педагогические науки». 2018. № 3. С. 32.

подпольной работе А. Ф. Ильина-Женевского, Бакрылов «по идейным соображениям ушел из последнего класса реального училища Черняева и не взял себе никаких документов, не желая получать привилегии, связанные с образованием, так как простой крестьянин их не имеет».⁵

Не учеба, а революция занимала в эти годы юношу, сочувствовавшего анархизму и именовавшего себя «диким цветком». В реальном училище и на общеобразовательных курсах вокруг него группировались товарищи — «анархисты различных толков», на которых Бакрылов имел «громадное влияние».⁶ Летом 1911 года он несколько месяцев ходил по Вологодской и Новгородской губерниям, чтобы посмотреть, «как народ живет»; после этого примкнул к эсерам и стал одним из учредителей молодежной подпольной организации — «Революционного союза».⁷ В 1912–1913 годах Бакрылов, поддерживая связь со столичными революционерами, жил в Вологде, в окрестностях которой сумел создать тайную типографию «союза». Эта деятельность была прервана последовавшим весной 1913 года арестом Бакрылова, перевезенного затем жандармами в Петербург. После продлившегося год предварительного заключения (в одиночной камере), 19 марта 1914 года он, вместе с товарищами по «Революционному союзу», был приговорен Санкт-Петербургской судебной палатой к ссылке на поселение. Интересно, что на процессе Бакрылова и его друзей защищал, в качестве адвоката, А. Ф. Керенский.⁸

Начавшаяся в годы юности тюремная эпопея сформировала своеобразный, суровый характер; А. З. Штейнберг, познакомившийся с Бакрыловым годы спустя, уже в период Вольфилы, вспоминал о нем: «человек большой инициативы, из народа, прошедший огонь и воду и медные трубы. <...> Был он молчаливым, очень активным, но главным образом решительным человеком. И когда нужно было проявить силу характера, ничто не могло его удержать».⁹ Почти в таких же выражениях вспоминал о Бакрылове, «человеке энергичном и распорядительном», А. В. Луначарский.¹⁰ Бакрылов отбывал ссылку в селах Тельма и Усолье Иркутской губернии (осенью 1916 года ненадолго по чужому паспорту съездив в Петроград); за три года пребывания там, как отмечал в 1926 году Р. В. Иванов-Разумник, Владимир Васильевич «оставил по себе неизгладимую память среди местного населения; портрет его и до сих пор висит в построенном им народном доме». Именно в это время ссыльный революционер «особенно заинтересовался народным искусством; популярное и в тех местах знаменитое „действие“ о царе Максимилиане навело его на мысль собрать все печатные и рукописные варианты и материалы по этому „действию“».¹¹

После падения монархии Бакрылов возвратился из Сибири в европейскую Россию, встретив по пути в Новониколаевске (Новосибирске) знаменитую «бабушку русской революции» Е. К. Брешко-Брешковскую (также возвращавшуюся из ссылки),¹² которой повсеместно устраивались торжественные встречи. Сам Бакрылов спустя несколько месяцев отмечал: «Став ее личным секретарем, я участвовал в ее триумфальном шествии

⁵ *Ильин-Женевский А. Ф.* Еще о «витмеровцах» // Революционное юношество: Из прошлого социал-демократической учащейся и рабочей молодежи. Л., 1924. Сб. 1. Из истории революционного движения учащихся средне-учебных заведений Петербурга: 1905–1917 гг. С. 167.

⁶ *Дианин С. А.* Революционная молодежь в Петербурге. 1897–1917 гг. (Исторический очерк). По воспоминаниям и архивным данным, с приложением прокламаций, нелегальных ученических журналов и архивных документов. Л., 1926. С. 130, 136, 139.

⁷ *И. Р.* [Иванов-Разумник Р. В.]. Владимир Васильевич Бакрылов. С. 306.

⁸ Там же; *Дианин С. А.* Революционная молодежь в Петербурге. С. 153–155, 162, 165–166, 226–227.

⁹ *Штейнберг А. З.* Друзья моих ранних лет (1911–1928). Париж, 1991. С. 46.

¹⁰ *Луначарский А. В.* Как мы заняли министерство народного просвещения // Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. М., 1968. С. 181.

¹¹ *И. Р.* [Иванов-Разумник Р. В.]. Владимир Васильевич Бакрылов. С. 306–307. В рукописном очерке Иванова-Разумника о Бакрылове есть фрагмент, не вошедший в публикацию в «Каторге и ссылке». Крестьяне Тельмы, для которых молодой революционер построил народный дом (средства на это, как в указано в очерке, дала мать Бакрылова), отзывались так: «Уж больно ты парень хорош, — говорили ему те, — только вот горе, что в бога-то не веришь» (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 35. Л. 2).

¹² *И. Р.* [Иванов-Разумник Р. В.]. Владимир Васильевич Бакрылов. С. 307.

и последующей работе в первые четыре месяца революции». ¹³ В это время он выступает в печати, пишет небольшую брошюру «Что такое демократическая республика?», вышедшую под редакцией Брешко-Брешковской. Рассчитанная на самых простых читателей, брошюра разъясняла им азы нового политического устройства: «Демократическая Республика означает управление государством без царя, когда законы устанавливает весь народ через своих выбранных депутатов, когда все важные дела решаются сообща всем миром, всеми гражданами, всем народом». ¹⁴ В другой брошюре (также под редакцией «бабушки») Бакрылов агитировал против призывов к сепаратному миру, за верность союзным демократиям: «Свою симпатию, свою любовь мы, естественно, должны отдать республикам, а не императорам Вильгельму и Карлу. И люди, предлагающие сепаратный мир, по-видимому, забывают об этом». Бакрылов обращал внимание читателей на фигуру руководителя русской армии: «Во главе всего военного дела в настоящее время встал у нас министр-социалист — Александр Федорович Керенский. Солдаты могут с открытой душой и полным доверием относиться к его словам, его приказам». ¹⁵

Осенью 1917 года Бакрылов, постепенно отдаляясь от Брешко-Брешковской и ее окружения, дошел до полного разрыва с ними. В большом письме, направленном в редакцию левоэсеровского «Знамени труда», он перечислял суммы, полученные Брешко-Брешковской на партийную печать от неизвестных лиц, ставивших условием «чтобы проводилась мысль, что все основные законы (о земле и пр.) должны быть узаконены только Учредительным Собранием», а также от американцев (последние давали особенно крупные суммы, пошедшие на издание газет «Воля народа», «Народная правда» и др.). Хотя ничего особенно позорного в принятии сумм на партийную печать от жертвователей в своей стране и союзном государстве не было, Бакрылова, перешедшего в стан левых эсеров, возмущали взгляды «бабушки», твердо поддерживавшей правительство Керенского. Упомянув о том, что изданный на «пожертвованные» ей деньги первый номер «Народной правды» был «погромного характера с карикатурами на Ленина, Чернова и др.», Бакрылов резюмировал: «Заглянув в эту бездну мерзости, я сказал Брешковской, что работать у нее больше не могу, и ушел». ¹⁶

Печатное выступление Бакрылова вызвало немедленную отповедь со стороны редакции «Воли народа», назвавшую его «недостойной попыткой опорочения Е. К. Брешковской»; сам Бакрылов, как отмечалось в заметке, «быв<ший> личный секретарь Е. К. Брешковской, автор ультрапатриотических воззваний к солдатам и брошюр о войне, земле и пр., внезапно полевел». ¹⁷ Вскоре в газете (переименованной в конце ноября в «Волю вольную»), отвечая на «инсинуацию», выступила и сама «бабушка» с рассказом о своих американских друзьях. Изложив читателям историю знакомства и общения с «лучшей частью американского народа», революционерка заключила: «И если мои друзья американцы предложат мне еще и еще крупные суммы на просвещение нашего темного народа, я с охотой и благодарностью приму их, отвечая лично за употребление». ¹⁸ В том же номере в более резких выражениях ответил Бакрылову («внезапно превратившемуся из ярого патриота и оборонца в левого эс-эра») знаменитый социолог П. А. Сорокин. Так как его имя упоминалось в статье Бакрылова в связи с американским фильмом «Гибель нации» и одноименной статьей Сорокина, последний писал: «Если же г. Бакрылов своей параллелью между фильмом „Гибель Нации“ и моей статьей „Гибель Нации“, не имеющей с первой ничего общего, кроме названия, делает намек на что-то другое, в частности, на какие-либо коммерческие причины, то я попрошу его иметь смелость формулировать ясно свою мысль, чтобы я мог привлечь его к третьейскому суду, как грязного клеветника». ¹⁹ После таких слов, прозвучавших в печати, возврат Бакрылова к «бабушке» был, конечно, невозможен.

¹³ Бакрылов В. Молчать — совесть не позволяет // Знамя труда. 1917. 24 нояб.

¹⁴ Бакрылов В. Что такое демократическая республика? Б. м., [1917]. Без номера страницы.

¹⁵ Бакрылов В. О войне. Тверь, [1917]. С. 3, 5.

¹⁶ Бакрылов В. Молчать — совесть не позволяет.

¹⁷ Редакция. По поводу одной недостойной попытки // Воля народа. 1917. 25 нояб.

¹⁸ Брешковская Е. Мои американские друзья // Воля вольная. 1917. 26 нояб.

¹⁹ Сорокин П. К ясности, г. Бакрылов (Письмо в редакцию) // Там же.

Еще до окончательного разрыва с Брешко-Брешковской и ее сподвижниками Бакрылов оказался в окружении Луначарского; по воспоминаниям последнего, «раздобыл откуда-то левого эсера Бакрылова» Д. И. Лещенко, «старый приятель» Луначарского²⁰ (М. А. Андреев обнаружил анкету Бакрылова, в которой тот указал, что рекомендацию для работы в Наркомпросе ему дал сам Луначарский).²¹ Новым правителям нужно было преодолеть «саботаж» чиновников Министерства народного просвещения, не признававших, как и их коллеги в других ведомствах, власти Совета народных комиссаров. «Бакрылов кипятился ужасно. Он настаивал на том, что мы попросту должны поехать в министерство, если нужно, прихватить с собою дюжину красноармейцев и начать там править. При этом он заявил, что весь низший персонал, т. е. курьеры, истопники, дворники и т. д., готовы принять нас с криками восторга», — вспоминал нарком. Поскольку Луначарскому «не улыбалась» перспектива остаться лишь в окружении истопников и дворников, он попытался найти союзников в учительской среде, но потерпел неудачу. Решено было идти «на штурм», чему Бакрылов был только рад. «В день, когда постановлен был решительный приступ, Бакрылов, повеселевший и почувствовавший, так сказать, порох в воздухе, бросился впереди нас в министерство и сговорился там с готовой сдать часть его населения, т. е. с курьерами и прочими их собратиями». От взятия с собой солдат Луначарский, по его словам, отказался («вся наша боевая мощь сводилась только к неугомонному Бакрылову»); впрочем, сопротивления чиновники не оказали, покинув здание.²²

Начиная с 22 ноября (а может быть, и ранее — протокол первого заседания комиссии не обнаружен) и до 29 декабря включительно Бакрылов принимал регулярное участие в заседаниях Государственной комиссии по просвещению, занимаясь разнообразными делами. Он налаживал работу Организационного отдела и Редакционно-издательской комиссии, столовой и «принимал дела» Петроградского учебного округа, делал доклады о воинской повинности учителей и об их пенсионной кассе, об оплате труда, приеме и увольнении служащих Наркомпроса.²³ Исполнявшие им поручения не всегда были безопасными. 6 декабря Бакрылов докладывал своим новым коллегам о разгроме винного склада в бывшем дворце принца А. П. Ольденбургского: «В ночь на 5-е декабря в 11 час<ов> вечера началось нападение на винный склад. Охраны из Военно-революционного комитета не удалось добиться. Попытка Бакрылова остановить толпу не удалась. Под угрозой быть убитым пришлось бежать. Только в семь час<ов> утра пришли семьдесят матросов, но уже к пустому месту». Бакрылов винил в произошедшем проживавших во дворце служащих различных учреждений («кое-кого пришлось там арестовать»). Резкий характер бывшего ссыльного проявился на заседании Государственной комиссии по просвещению 16 декабря. Бакрылов пожаловался на то, что другой член комиссии, И. Б. Рогальский, «выдал деньги служащим в Отделе профессионального образования без его подписи», хотя комиссия постановила ранее, «чтобы было две подписи». Когда Бакрылову вновь дали слово, В. М. Познер предупредил его, «что можно говорить только о ставках» (на заседании обсуждались ставки служащих Отдела школьной медицины и санитарии), после чего Владимир Васильевич пригрозил «завтра же уйти и сдать дела другому, если ему не дадут говорить что угодно» (председательствовавший Г. Д. Закс «при протесте части лиц» разрешил Бакрылову продолжить, его замечание насчет второй подписи также было признано справедливым).²⁴

В следующие несколько месяцев деятельность Бакрылова оказалась связана с театральным ведомством. Казенная сцена во главе с Ф. Д. Батюшковым, назначенным еще в апреле 1917 года главноуполномоченным по государственным театрам, представляла

²⁰ Луначарский А. В. Как мы заняли министерство народного просвещения. С. 181.

²¹ Андреев М. А. Левые эсеры в Наркомпросе РСФСР (1917–1918 гг.) // Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки. История России». 2009. № 17. С. 120.

²² Луначарский А. В. Как мы заняли министерство народного просвещения. С. 181–182.

²³ Культура, наука и образование: октябрь 1917–1920 г. Протоколы и постановления Наркомпроса РСФСР: В 3 кн. М., 2012. Кн. 1. С. 31–33, 35, 36, 38, 40, 41, 43, 47, 50, 55, 57, 58, 60–67, 69, 78, 81, 87–90, 94–96, 98–100, 104, 112, 114, 117.

²⁴ Там же. С. 64, 65, 89–93.

проблему для новой власти, не признавая главенства А. В. Луначарского.²⁵ Последний вспоминал о завершающем этапе своей борьбы с Батюшковым: «...я назначил, для введения некоторого внешнего административного порядка в театрах и для постоянного наблюдения за их повседневной жизнью, молодого левого эсера Бакрылова в качестве комиссара государственных театров. <...> Товарищ Бакрылов был человеком немного нажимистым и несколько самоуверенным, но его твердая рука хотя кое-где и прижимала довольно больно тот или иной пункт, но оказалась, на первое время по крайней мере, целесообразной. Некоторые говорили потом, что с Бакрыловым повеяло новым воздухом».²⁶ Отметим, что Бакрылов, кажется, был не чужд сцене: кассиры и служащие Канцелярии главноуполномоченного по государственным театрам в январе 1918 года сообщили газетному корреспонденту, что этот «совсем молодой человек, бывший студент» — «большой театрал», который «обращался многократно с просьбой „записать билеты“ к бывшему заведывающему театральными кассами Н. М. Шишко».²⁷ Впрочем, на этот раз он повел себя не так, как можно было бы ожидать от записного поклонника Мельпомены и Терпсихоры.

«Бакрылов очутился под кровлей государственных театров в самое горячее время — самое горячее, по крайней мере, с политической точки зрения, — принял на себя и в свою очередь отбил все удары, которые, как легко себе представить, сыпались на него в достаточном количестве. Человек порывистый и нервный, Бакрылов, быть может, порой излишне восстанавливал против себя, но все это в большой степени оправдывалось обстановкой тех дней», — вспоминал бывший комендант петроградских государственных театров В. Ф. Безпалов.²⁸ Схожие впечатления остались у В. Н. Всеволодского-Гернгросса, отмечавшего спустя десять лет: «...государственные театральные круги были невероятно взволнованы поведением Бакрылова: он, действительно, вел себя крайне радикально. Бакрылов был человек молодой с темпераментом и вполне возможно были некоторые резкости, но главное было в том, что управление государственных театров чувствовало, что налагается советская рука, и Бакрылов был олицетворением этой руки, и естественно, что против него было большое возбуждение; по-видимому он допускал и кое-какие нетактичности».²⁹ Сам Бакрылов, впрочем, оценивал свою деятельность без излишнего пафоса; несколько лет спустя в ответ на просьбу театроведа Е. М. Кузнецова «написать воспоминания о его работе в государственных театрах» он сказал: «Какой я комиссар!.. Не был я комиссаром!.. Я был просто вышибалой...».³⁰

Назначенный «правительственным комиссаром», Бакрылов 2 января 1918 года явился в здание Управления государственными театрами вместе с отрядом красногвардейцев, силой отстранил от работы Ф. Д. Батюшкова и всех чиновников Канцелярии главноуполномоченного, объявив их уволенными.³¹ Принятые меры и взятый им в общении с бастующими артистами ультимативный тон привели к возмущению в сценических кругах. Подали в отставку управляющий оперной труппой А. И. Зилоти³² и управляющий драматической труппой Е. П. Карпов,³³ начали уходить артисты

²⁵ *Frame M.* The St. Petersburg imperial theaters: stage and state in revolutionary Russia, 1900–1920. Jefferson, NC; London, 2000. P. 157–162; *Гордеев П. Н.* Ф. Д. Батюшков — главноуполномоченный по государственным театрам в 1917 году // Русская литература. 2013. № 2. С. 189.

²⁶ *Луначарский А. В.* На советские рельсы // Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. М., 1968. С. 281.

²⁷ Новый комиссар В. В. Бакрылов // Новая Петроградская газета. 1918. 5 янв.

²⁸ *Безпалов В. Ф.* Театры в дни революции. 1917. Л., 1927. С. 111–112.

²⁹ «День воспоминаний» в РИИИ о театральной жизни 1917–1918 гг. / Публ. Ю. Е. Галаниной // Из фондов Кабинета рукописей Российского института истории искусства: Сообщения. Публикации. Обзоры. СПб., 2016. Вып. 6 / Сост. и отв. ред. Г. В. Копытова. С. 264.

³⁰ *Кузнецов Е.* Примечания // Безпалов В. Ф. Театры в дни революции. С. 120.

³¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 1. № 48. Л. 4–9 об.; № 52. Л. 4–5; *Бертенсон С. Л.* Вокруг искусства. Холливуд (Cal.), 1957. С. 242–243.

³² *Barber C.* Lost in the stars: The forgotten musical life of Alexander Siloti. Lanham, MD, 2002. P. 173–175.

³³ *Р. [Розенберг И. С.]*. Е. П. Карпов подал в отставку (беседа с Е. П. Карповым) // Новая Петроградская газета. 1918. 16 янв.

(в том числе увольняемые новыми властями за забастовку).³⁴ Доставалось, в случае неподчинения, и техническому персоналу. Писательница С. И. Смирнова-Сазонова (мать актрисы Александринского театра Л. Н. Шуваловой) занесла в дневник 7 января 1918 года услышанную ею историю: «...к одной из кассирш явился комиссар Бакрылов и велел ей продавать царск<ие> ложи. Она отказалась, т<ак> к<ак> у них нет расценки эт<их> лож; Бакрылов приказал ей продавать их по его записке. Она ответила, что контроль такой отчетности от них не примет. „Вы уволены“, объявил ей комиссар и прибавил, что с нее будут взыскивать убытки за непродан<ные> ложи».³⁵ Возможно, Бакрылов намеренно «рубил сплеча», зная, что он — лишь временный комиссар: еще 23 декабря 1917 года Луначарский поручил заведование петроградскими государственными театрами гражданскому инженеру И. В. Эксузовичу, дав тому месяц на сдачу дел в Институте гражданских инженеров³⁶ (18 февраля 1918 года Эксузович официально объявил о вступлении в заведование подотделом государственных театров Наркомпроса³⁷). В этом случае роль Бакрылова сводилась к резкому, насильственному захвату аппарата управления театрами — с тем, чтобы новый руководитель мог бы потом отмежеваться от его «крайностей».

Но Бакрылов действительно увлекся театром и полюбил его, в особенности будучи очарован незаурядной личностью В. Э. Мейерхольда. Сохранилось несколько писем Бакрылова к знаменитому режиссеру (самое раннее было написано в Москве 6 мая 1918 года), рисующих отношения учителя и преданного ученика. Последний докладывал остававшемуся пока в Северной столице Мейерхольду об исполнении личных поручений («Поручения все я с точностью выполнил — о чем и спешу уведомить. <...> На Мясном переулке Вам никто ничего не оставлял. Опрашивал всех дворников»), в том числе связанных с большевистским руководством («Письмо Ольги Давидовны³⁸ передал ее брату Льву»), сообщал театральные новости («В пятницу, 10/V будет собрание музыкальных деятелей Москвы для выбора членов Совета»), делился совместными планами («Всего удобнее было бы проводить *нашу* кандидатуру в суперарбитры от имени труппы»), просил передать приветствие общим знакомым по административно-театральной работе (А. В. Луначарскому, О. Д. Каменевой «и всем в Мариинском театре (кто помнит)»).³⁹ В письме от 19 мая 1918 года Бакрылов усиленно звал режиссера в Москву: «Во первых строках письма моего шлю Вам, дорогой Всеволод Эмильевич, низкий поклон от беда лица до сырой земли и извещаю Вас, что цидулку Вашу получил. Очень огорчен отсрочкой Вашего приезда в Москву, т<ак> к<ак> помимо всего с ним связано и мое окончательное „самоопределение“. <...> Приезжайте — скорей!»⁴⁰

В том же 1918 году Бакрылов, недавно еще наделенный полномочиями правительственного комиссара театров, «весь отдался изучению теории и истории театрального искусства»,⁴¹ став слушателем Курсов мастерства сценических постановок. В. Э. Мейерхольд, знакомивший там своих учеников с принципами режиссуры, дал последним задание «в одном чертеже обозначить скелет» прочитанного курса.⁴² Итогом этой работы стала составленная слушателями небольшая книга, содержащая 13 схем, три из которых («Творческие силы спектакля в их соотношении», «Процесс создания и восприятия спектакля» и «Путь создания спектакля») принадлежали Бакрылову. К каждой схеме прилагалось авторское пояснение; к примеру, вторая из них сопровождалась следующим текстом: «Уподобляя работу деятелей сцены (драматурга, режиссера, художника, композитора и актера) источнику света А, помещенному в главном фокусе

³⁴ Увольнение Луначарским артистов Мариинского театра // Наши ведомости. 1918. 12 янв.

³⁵ ИРЛИ. Ф. 285. № 67. Л. 167–168.

³⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 3. № 3991. Л. 15; № 3992. Л. 21.

³⁷ Там же. Оп. 1. № 26. Л. 2.

³⁸ Имеется в виду О. Д. Каменева, сестра Л. Д. Троцкого и жена Л. Б. Каменева, деятельница советского театра.

³⁹ РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. № 1124. Л. 1–2.

⁴⁰ Там же. Л. 3–3 об.

⁴¹ И. Р. [Иванов-Разумник Р. В.]. Владимир Васильевич Бакрылов. С. 308.

⁴² От Редакционной Комиссии // Схемы к изучению спектакля. Пб., 1919. С. 7.

сцены *ab*, а элементы их работы лучам этого источника 1–12, собирающимся после двукратного отражения от сцены *ab* и зрительного зала *eg* в главном фокусе *B* — душе зрителя, — мы схематически раскрываем процесс создания и восприятия спектакля. Чтобы достигнуть наивысшего напряжения (соответствующего наибольшему успеху представления), следует точно рассчитать фокусные расстояния». ⁴³

Теперь бывший революционер чувствовал недостаточность образования, полученного в промежутках между тюрьмой и ссылкой. 4 октября 1918 года он подал прошение о зачислении на историко-филологический факультет Петроградского университета (оно было поддержано товарищем наркома по просвещению З. Г. Гринбергом, также попросившем «зачислить т. Бакрылова студентом»). Последний, судя по студенческому делу, периодически обращался в университет за теми или иными бумагами (так, 13 мая 1919 года Бакрылов просил выдать ему справку о том, что он студент, для освобождения от всеобщего военного обучения), однако «запись студента» в деле содержит лишь отметку о поступлении, а все остальные графы («Поверочные испытания», «Полукурсовые испытания по отделениям», «Практические занятия в просеминариях» и др.) пусты. ⁴⁴ Возможно, Бакрылов в духе времени удовлетворился вольным прослушиванием лекций.

7 октября 1918 года Бакрылов был избран секретарем Репертуарной секции ТЕО Наркомпроса. Председатель секции А. А. Блок высоко ценил своего нового сотрудника. 11 октября поэт зафиксировал свои впечатления в записной книжке: «Заседание бюро и членов Репертуарной секции. Несуразное. Мы с Бакрыловым главным образом и действуем. Вернулся в 7-м часу изможденный. Будем с Бакрыловым еще пробовать преодолевать всеобщий хаос, всеобщее равнодушие и ничегонеделание». ⁴⁵ Однако уже 3 ноября, после приезда в Петроград заведующей ТЕО О. Д. Каменевой, которая провела с сотрудниками отдела пятичасовое заседание, Блок записал: «Каменева не потерпит Бакрылова „ни одного часу“ в отделе («создает конфликты»)». ⁴⁶ Ю. В. Розанов предположил, что причина антипатии Каменевой, проводившей линию на большевизацию театров, к левому эсеру Бакрылову могла быть в партийной принадлежности последнего, а Блок «похоже, не понимал истинной причины увольнения своего энергичного соратника, сводя все к личной неприязни со стороны высокопоставленной советской особы». ⁴⁷ Подобный аргумент (несмотря на, по-видимому, сложные отношения с большевистской партией, чего мы еще коснемся ниже) заслуживает внимания, хотя и личную антипатию Каменевой к Бакрылову не следует, как представляется, сбрасывать со счетов.

Впрочем, в конце января 1919 года Владимир Васильевич вновь стал появляться на заседаниях Бюро Репертуарной секции и Научно-теоретической секции ТЕО, 27 января сделал доклад «о командировке его в Москву по делам Вольно-философской Академии» («Мейерхольд величественно ходит с Бакрыловым», ⁴⁸ — отметил в тот же день в записной книжке А. А. Блок). Видимо, именно Мейерхольд продолжал вовлекать Бакрылова в работу ТЕО, и последний не забывал о своем наставнике и его учениках. Так, 3 февраля на заседании Бюро Репертуарной секции Блок сообщил «о проекте, возникающем по инициативе Бакрылова: ввиду того, что режиссерские примечания не поднимаются вперед (за безуспешностью попыток созвать режиссеров) — поручить исполнение их ученикам школы Мастерства сценических постановок». ⁴⁹ Но мирная работа в ТЕО была недолгой: 14 февраля Бакрылов участвовал в экстренном соединен-

⁴³ Бакрылов В. Процесс создания и восприятия спектакля // Там же. С. 11.

⁴⁴ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 2. № 173. Л. 1–18.

⁴⁵ Цит. по: Блок в Театрально-литературной комиссии и ТЕО Наркомпроса: Документальная хроника. Неизвестные письма и рецензия Блока / Предисловие и публ. Е. В. Ивановой // Лит. наследство. 1993. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 5. С. 166.

⁴⁶ Цит. по: Там же. С. 170.

⁴⁷ Розанов Ю. В. Фольклорист и театральный деятель Владимир Бакрылов: страницы биографии. С. 33.

⁴⁸ Блок в Театрально-литературной комиссии и ТЕО Наркомпроса. С. 200.

⁴⁹ Там же. 203.

ном заседании Репертуарной и Научно-теоретической секций, созванном по поводу ареста Иванова-Разумника, на следующий день, когда стало известно об аресте А. М. Ремизова (чекисты начали задерживать людей «по адресам из <...> записной книжки»⁵⁰ Иванова-Разумника, обвиняя их в участии в левозсеровском заговоре), ездил с Блоком к Луначарскому. В результате хлопоты завершились кратковременным арестом самого Блока, после которого поэт подал в отставку с поста председателя Репертуарной секции.⁵¹ При этих условиях не захотел оставаться на административной должности и Бакрылов. 5 апреля 1919 года он писал Мейерхольду: «Мне не хотелось бы к массе всяческих забот у Вас присоединять еще одну — назначить лицо, которое бы заменило меня в Коллегии по Управлению, но я принужден это сделать. Сколько я ни боролся с собой, мне не удалось согласить себя к администрированию. Несносная прямолинейность в моих увлечениях — сему причина. Прошу, если можно, простить и не гневаться на меня за своеволие».⁵²

Важное место в жизни Бакрылова стала к тому времени занимать работа в Вольной философской ассоциации — знаменитой Вольфиле. Он принимал участие в ее основании, ведя (вместе с В. Э. Мейерхольдом и писателем Е. Г. Лундбергом) непосредственные переговоры об этом с Луначарским, присутствовал на заседаниях в качестве секретаря.⁵³ Сохранив некоторые связи в руководящих кругах, Бакрылов, который «ни перед какими препятствиями не останавливался», обеспечивал проведение собраний Вольфилы, в том числе и в «Большом зале» (вероятно, имелся в виду Георгиевский, или Большой тронный зал) Зимнего дворца.⁵⁴ Исследовавший историю Вольфилы В. Г. Белоус отметил, что Бакрылов «выполнял в Вольфиле функции завхоза, официально являясь секретарем и управляющим делами: договаривался с вышестоящим наркомпросовским начальством, заботился об аренде помещений, вел бухгалтерские счета, к его обязанностям относилась публикация афиш и газетных объявлений и многое другое».⁵⁵ К началу 1920 года Бакрылов, исполняя технические обязанности, был единственным постоянным сотрудником Вольфилы, не состоявшим при этом в ассоциации, но постепенно ситуация начинала меняться. В обсуждавшемся в апреле 1921 года проекте реорганизации Вольфилы (с разделением ассоциации на отделы) Бакрылова планировалось зачислить в Отдел философии искусств, на заседании 12 апреля 1921 года ему был поручен доклад по пластике.⁵⁶ Незадолго до смерти, отмечал впоследствии Иванов-Разумник, Бакрылов организовал при Вольфиле «кружок ритмической пластики».⁵⁷ Члены ассоциации начали воспринимать Владимира Васильевича как своего коллегу по интеллектуальной работе, чему способствовал его многолетний, начавшийся еще до революции труд над сводом «Максимилиана».

«Одно из крупнейших явлений в народной театральной культуре»,⁵⁸ «вершина драматургического творчества русского народа»⁵⁹ — комедия о царе Максимилиане в конце XIX — начале XX века выдержала целый ряд представлений на фабриках и заводах.⁶⁰ Присутствующая в финале пьесы тема царевубийства, по мнению Э. Свифта, давала рабочим возможность пофантазировать о восстании «против деспотической

⁵⁰ Там же. С. 222.

⁵¹ Там же. С. 206, 212.

⁵² РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. № 1124. Л. 4–5.

⁵³ Белоус В. Г. Вольфила [Петроградская Вольная Философская Ассоциация]. 1919–1924: В 2 кн. М., 2005. Кн. 1. С. 50, 51, 57, 59, 62, 71, 73, 77.

⁵⁴ Штейнберг А. З. Друзья моих ранних лет (1911–1928). С. 60–61.

⁵⁵ Белоус В. Г. Вольфила [Петроградская Вольная Философская Ассоциация]. Кн. 2. С. 350.

⁵⁶ Там же. С. 22, 137, 143.

⁵⁷ Цит. по: Лавров А. В., Мальмстад Дж. Комментарии // Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 585.

⁵⁸ Сорокина С. П. Народная драма «Царь Максимилиан» у восточных славян (театрально-драматургическая специфика). М., 2013. С. 3.

⁵⁹ Савушкина Н. И. Русская народная драма: художественное своеобразие. М., 1988. С. 71.

⁶⁰ Наиболее полное собрание (36 вариантов) текстов «Царя Максимилиана» недавно издано С. П. Сорокиной: Сорокина С. П. Народная драма «Царь Максимилиан». Тексты. М., 2019.

патриархальной власти отцов или работодателей».⁶¹ Летом и в начале осени 1919 года работа Бакрылова обсуждалась на заседаниях Репертуарной секции ТЕО.⁶² Блок в составленной им 1 сентября 1919 года заметке-отзыве на труд Бакрылова писал: «Произведена большая работа как по составлению текста, так и по постановке пьесы с матросами около здания Балтфлота. <...> Об этом деле я знаю уже год, но не ожидал, с одной стороны, что оно будет так исключительно интересно и значительно (сама пьеса), с другой — что встретятся на пути такие жуткие препятствия». На следующий день Блок сделал доклад о «Максимилиане» перед коллегами по секции, подчеркнув среди прочего, что «в пьесе отражается дух русской истории на протяжении двух столетий».⁶³

Таким образом уже в 1919 году был готов свод «Комедии о царе Максимилиане и непокорном сыне его Адольфе», составленный на основе 19 опубликованных в разное время вариантов народной драмы и нескольких записей отдельных сцен или их прототипов (Аника-воин и Смерть, венчание Максимилиана с Венерой), а также ряда разысканных Бакрыловым неопубликованных вариантов.⁶⁴ Высокую оценку своду дал А. М. Ремизов,⁶⁵ издавший его в 1920 году в своей литературной обработке.⁶⁶ Опубликованный спустя год труд Бакрылова (точнее, его первая часть; «вторая, наиболее ценная часть работы — обзор литературы, варианты, комментарии, диаграммы и т. п. — так и осталась ненапечатанной»⁶⁷) предварялся вступлением, написанным Ивановым-Разумником, в котором последний, отдавая дань таланту Ремизова, ставил под сомнение саму идею переделки: «не стыжусь признаться: казарменный, озорной, безграмотный, усеянный безмерными повторениями, лохматый, взъерошенный народный „Максимилиан“ — мне дороже его литературной мастерской обработки».⁶⁸ В излишнем вмешательстве в источник обвиняли и Бакрылова, соединившего различные варианты в один текст; П. Н. Сакулин, в частности, в своей рецензии задавался вопросом: «Не следует ли оставить эту пьесу в ее родной стихии?» С научной точки зрения Сакулин был прав, но его совет, как заметил современный исследователь, «явно не соответствовал историческому моменту и устремлениям театральным деятелей советской эпохи».⁶⁹

Составление сводного текста «Максимилиана», а также постановка спектакля по нему с матросами Балтийского флота внесли определенные коррективы в жизнь Бакрылова. 27 июня 1920 года он писал Мейерхольду: «Несколько формальных слов о себе: в связи с постановкой „Царя Максимилиана“ — я, Правосудович и Якунина⁷⁰ вынуждены были покинуть Цех и Курсы. Институт Ритма — Совершенного Движения, где я был секретарем и учеником, я оставил несколько недель назад. Сейчас я состою секретарем Вольной Философской Ассоциации и занимаюсь движением (балет, пластика, акробатика и пр.). Впрочем, какова бы ни была его загруженность собственными трудами, Бакрылов не забывал своего наставника в сценическом искус-

⁶¹ *Swift E. A. Popular Theater and Society in Tsarist Russia.* Berkeley; Los Angeles; London, 2002. P. 35–37. Перевод мой. — П. Г.

⁶² Подробнее см.: *Быстров В. Н.* [и др.]. Комментарии // Ремизов А. М. Собр. соч. СПб., 2016. Т. 12. Русалия. С. 845–862.

⁶³ *Блок А. А.* «Комедия о царе Максимилиане и непокорном сыне его Адольфе» // Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 480–482.

⁶⁴ Там же. С. 480; *Быстров В. Н.* [и др.]. Комментарии. С. 846; *Ремизов А. М.* Царь Максимилиан. Театр Алексея Ремизова / По своду В. В. Бакрылова. Пб.: Государственное издательство, 1920. С. 117, 123–126. В этом же году «Максимилиан» Ремизова был напечатан и издательством «Алконост».

⁶⁵ *Иванов-Разумник Р. В.* «Максимилиан» // Комедия о царе Максимилиане и непокорном сыне его Адольфе / Свод Вл. Бакрылова, предисловие Иванова-Разумника. М., 1921. С. 7–8.

⁶⁶ О работе А. М. Ремизова над «Максимилианом» см.: ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. № 19. Л. 1–91; *Розанов Ю. В.* А. М. Ремизов и народная культура: монография. Вологда, 2011. С. 223–235.

⁶⁷ *И. Р.* [Иванов-Разумник Р. В.]. Владимир Васильевич Бакрылов. С. 307.

⁶⁸ *Иванов-Разумник Р. В.* «Максимилиан». С. 8.

⁶⁹ *Розанов Ю. В.* Фольклорист и театральные деятели Владимир Бакрылов: страницы биографии. С. 34.

⁷⁰ Имеются в виду Т. М. Правосудович и Е. П. Якунина, художницы, слушательницы Курсов мастерства сценических постановок.

стве, занимаясь устройством личных дел последнего: «Как душеприказчик Ваш, все отчеты и ключи я передал Ольге Михайловне.⁷¹ Она Вам и сообщит все, касающееся квартиры, расходо-приходных сумм и тех поручений, которые, уезжая, Вы передали мне».⁷² Отметим, что занятия «пластикой» представляли для ушедшего «в литературу» Бакрылова своеобразный мост к тем навыкам, которые он приобрел на Курсах мастерства сценических постановок: ведь и «Максимилианом» он занимался не только как фольклорист-любитель, но и как постановщик «народной драмы». Впрочем, уход в подобную область мог быть и своеобразным бегством из пронизанной идеологией действительности (в том числе и литературной жизни). На это в феврале 1928 года намекал Андрей Белый в письме Иванову-Разумнику: «Ведь уже стихов не пишу, — пишу сонеты из листиков, сонеты из камушков; на лекциях — угрожаю молчаниями; Бог даст, — дойдет дело и до балета. Не выступит ли нам, дорогой друг, — в коротеньких юпочках в качестве балерин? И вместо „Вольфила“ открыть — танц-классы; покойный Бакрылов был передовой человек; он — первый понял, чему надо учиться, чтобы прожить те годы, которых... не прожил».⁷³

Работая над «Максимилианом», участвуя в заседаниях Вольфила, Бакрылов отошел от политики; по завершении свода им был задуман ряд новых трудов, оставшихся из-за преждевременной смерти неосуществленными.⁷⁴ Но прошлое временами напоминало о себе. В конце 1919 года произошел неприятный для Бакрылова инцидент. В открытом письме в редакцию «Петроградской правды» он изложил его суть: на заседании Совета Дома искусств 9 декабря один из членов Совета «выступил с обвинением против лица, постоянно работающего в Вольной Философской Ассоциации, но не состоящего ее членом» (этим условием соответствовал только Бакрылов). Обвинение состояло в том, что «лицо это явилось „в дни революции растратчиком казенных денег и дворцового имущества“». При этом выступить с открытым обвинением аноним не решился, так как «обвиняемое им лицо является „коммунистом“, а потому, мол, борьба с ним „опасна“». «Что касается страха перед опасностью выступления против коммуниста, — писал Бакрылов, — то, не говоря вообще о странности такого понимания вещей, могу успокоить его тем, что в партии коммунистов я не состоял и не состою». Бакрылов требовал от анонима «выступить открыто», чтобы иметь «возможность привлечь его к суду за клевету» — почти слово в слово повторяя двухлетней давности письмо Питирима Сорокина с обвинениями в адрес самого Бакрылова. Публикация в «Петроградской правде» вызвала ответное заявление Совета Дома искусств, авторы которого отмечали, что ни на одном из заседаний Совета имя Бакрылова не упоминалось, а за частные беседы членов Совета последний не может брать на себя ответственность.⁷⁵

В некотором противоречии с утверждением Бакрылова о его непринадлежности к партии коммунистов находится документ, выявленный нами в бывшем партийном архиве. 11 октября 1923 года Петроградский губернский комитет РКП(б) отправил телефонограмму «всем райкомам» с предложением «срочно сообщить, состоит ли на учете и какую должность занимает тов. Бакрылов Владимир, член РКП 1918 г.».⁷⁶ Сравнительно редкая фамилия (во «Всем Петрограде» за 1917 год из Бакрыловых перечислены только мать и брат героя нашей статьи, в алфавитных указателях справочников за 1922 и 1923 годы Бакрыловы вообще отсутствуют⁷⁷) делает маловероятным

⁷¹ О. М. Мунт — первая жена В. Э. Мейерхольда.

⁷² РГАЛИ, Ф. 998. Оп. 1. № 1124. Л. 8 об. — 9.

⁷³ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 574.

⁷⁴ И. Р. [Иванов-Разумник Р. В.]. Владимир Васильевич Бакрылов. С. 308.

⁷⁵ Цит. по: Белоус В. Г. Вольфила [Петроградская Вольная Философская Ассоциация]. Кн. 2. С. 22–23. В. Г. Белоус обоснованно предположил, что членом Совета Дома искусств, услышавшим заявление «анонима» и передавшим его Бакрылову, был Блок (отметивший 10 декабря 1919 года в записной книжке: «Заседание Дома искусств... <...> Большая неприятность — о Бакрылове» (Там же. С. 22)).

⁷⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. № 830609. Л. 1.

⁷⁷ Весь Петроград на 1917 год. Пг., 1917. Отд. III. С. 39; Весь Петроград. 1922 г. Пг., 1922. Ч. 2. С. 160; Весь Петроград на 1923 год. [Пг., 1923]. Алфавитный указатель жителей Петрограда. С. 37.

упоминание в данном случае однофамильца. Возможно, в 1918 году Бакрылов, близкий тогда к Луначарскому, «качнулся» к большевикам, а затем порвал связь с партией (судя по тому, что губком и через полтора года после самоубийства не имел учетных данных о товарище Бакрылове). А. Ф. Ильин-Женевский, упомянувший о Бакрылове в своем очерке, посвященном «витмеровцам», писал, что тот после Февральской революции «определился как большевик». ⁷⁸ Этой «недолгой близостью» с РКП(б) могут быть объяснены и события февраля 1919 года, когда за связь с левыми эсерами были арестованы Иванов-Разумник и даже такой далекий от партийной политики человек, как Блок, но не Бакрылов.

В январе 1922 года Бакрылов заболел сыпным тифом, «сильно потрясшим его организм, и с трудом оправился лишь к началу весны». ⁷⁹ Вскоре после выздоровления он совершил самоубийство, бросившись в Неву с Троицкого моста. Спустя два года Ильин-Женевский писал об этом туманно: «...по неизвестной причине покончил с собой». ⁸⁰ Театровед Е. М. Кузнецов, лично знакомый с Бакрыловым и составивший целый очерк о нем (в комментариях к мемуарам Безпалова), упомянул, что Бакрылов лишил себя жизни «на романической почве». ⁸¹ В рукописной справке о Бакрылове, подготовленной (предположительно) его матерью, указано: «После болезни весной того же <1922. — П. Г.> года бросился с Троицкого моста в Неву и погиб». ⁸² Более подробно описал уход Бакрылова из жизни Иванов-Разумник в письме Андрею Белому от 7 декабря 1923 года. «Совсем ушел от нас и от жизни — Владимир Васильевич Бакрылов, о трагической судьбе которого Вы, вероятно, узнали уже и за границей: он бросился в Неву с Троицкого моста 8 мая прошлого года. Тяжело болел сыпным тифом, оправился, но встал с надломленной душой; примешалась тяжелая личная трагедия — и он не выдержал жизни. А ведь он был если и не душой, то телом Вольфины; без него мы сразу потеряли опору, стержень, костяк». ⁸³ В осуществленной несколько лет спустя публикации в «Каторге и ссылке» Иванов-Разумник, исключив сообщение о «тяжелой личной трагедии», привел другую дату самоубийства: «8 июня 1922 г. Б. бросился с Троицкого моста в Неву и утонул». ⁸⁴ А. В. Лавров и Дж. Мальмстад, опубликовавшие переписку Белого с Ивановым-Разумником, впервые обратили внимание на эту путаницу с датами. ⁸⁵ Интересное соображение о самоубийстве Бакрылова было выдвинуто В. Г. Белоусом. Отметив, что «мы не располагаем документальными подтверждениями точной даты происшедшего, так как в письме к Белому Иванов-Разумник называет другую дату — 8 мая», исследователь предположил: «Возможно, на реальное событие (или же его интерпретацию) повлиял тот факт, что 8 июня 1922 г. в Москве, в Верховном трибунале, начался судебный процесс над партией социалистов-революционеров». ⁸⁶ Строго говоря, процесс шел над партией правых эсеров, ⁸⁷ к которой Бакрылов не принадлежал, но развязанная в прессе накануне суда травля эсеров могла произвести на него тягостное впечатление.

Новые данные о загадочном самоубийстве героя нашей статьи удалось получить, обратившись к архивным фондам органов ЗАГС, которые за этот период отложились в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга. Отметка о смерти Владимира Бакрылова была сделана подотделом записей актов гражданского состояния Василеостровского райсовета 12 июня 1922 года. В графе «место смерти» было указано: «гнилой труп извлечен из Малой Невы», временем смерти значилось «в 20-х числах

⁷⁸ *Ильин-Женевский А. Ф.* Еще о «витмеровцах». С. 167.

⁷⁹ *И. Р.* [Иванов-Разумник Р. В.]. Владимир Васильевич Бакрылов. С. 308. В отложившейся в фонде Иванова-Разумника рукописной справке о Бакрылове указано, что сыпным тифом он болел весной 1922 года: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 6. Л. 2.

⁸⁰ *Ильин-Женевский А. Ф.* Еще о «витмеровцах». С. 167.

⁸¹ *Кузнецов Е.* Примечания. С. 120.

⁸² ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 6. Л. 2.

⁸³ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 264.

⁸⁴ *И. Р.* [Иванов-Разумник Р. В.]. Владимир Васильевич Бакрылов. С. 308.

⁸⁵ *Лавров А. В., Мальмстад Дж.* Комментарии. С. 267.

⁸⁶ *Белоус В. Г.* Вольфила [Петроградская Вольная Философская Ассоциация]. Кн. 2. С. 351.

⁸⁷ Процесс эс-эров. Первый день 8-го июня // Петроградская правда. 1922. 9 июня.

мая 1922 г.». Перед самоубийством живший, как указывалось в документе, «в казармах», Бакрылов и место погребения получил «казенное».⁸⁸ Дату 8 июня, приведенную в «Каторге и ссылке», следует, таким образом, считать недостоверной: маловероятно, чтобы осматривавший тело медик перепутал четырехдневную степень разложения тела с двух-трехнедельной.

В недолгой жизни Бакрылова последние пять лет были чрезвычайно яркими. Пропагандист «революционного оборончества» и поклонник Керенского весной 1917 года, уже в ноябре он становится сотрудником Луначарского и одним из создателей организационной структуры Наркомпроса. В начале 1918 года Бакрылов в качестве правительственного комиссара силой, угрозами и увольнениями подчинил новым властям государственные театры. Свое место в истории русской сцены точнее всего определил он сам («был просто вышибалой»), но влияние театрального мира на молодого комиссара было длительным и плодотворным. С 1918 года огромную роль в судьбе Владимира Васильевича играл Мейерхольд, ставший его учителем на Курсах мастерства сценических постановок, начальником в ТЕО, наставником в сфере искусства, письма к которому Бакрылова демонстрируют ученическую почтительность по отношению к мэтру. С другой стороны, расширению кругозора молодого революционера послужила его работа в Вольфиле, где он общался с блестящими интеллектуалами, ключевыми фигурами Серебряного века. Именно в этой среде Бакрылов смог завершить задуманный еще до революции труд — издать сводный текст «Царя Максимилиана». В дальнейшем он, видимо, предполагал заниматься изучением пластического искусства, но сбыться этим планам не было суждено. Сочетание тяжелой болезни, личной драмы и, быть может, влияние сложных, не до конца проясненных отношений Бакрылова с большевистскими властями привело его в мае 1922 года к роковому прыжку с Троицкого моста.

⁸⁸ ЦГА СПб. Ф. Р-6143. Оп. 2. № 138. Л. 255–255 об.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-4-185-197

© Т. М. Двинятина

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА В КНИГЕ И. А. БУНИНА «ХРАМ СОЛНЦА»*

Как почти все книги И. А. Бунина 1910–1920-х годов, вышедший в апреле 1917 года «Храм Солнца»¹ открывался перед читателем «двухстворчатый складнем»² стихов и рассказов: в него вошло 19 стихотворений и 8 путевых очерков, написанных по следам странствий автора по Ближнему Востоку, главным образом, того палестинского паломничества весной 1907 года, которое он совершил вместе с Верой Николаевной Муромцевой, ставшей с тех пор его гражданской женой.³

За этим формальным (композиционным) уровнем сближения следует не менее очевидный уровень единства впечатлений, отраженных в бунинских текстах. 16 из 19 стихотворений, вошедших в книгу, были написаны во время или после путешествия апреля–мая 1907 года. Маршрут выглядел тогда следующим образом: Одесса — Константинополь — Пирей (из порта на полдня успели съездить в Афины) — Александрия —

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-012-41004: «И. А. Бунин и Палестина»).

¹ На обложке: 1916.

² Черный С. Роза Иерихона // Русская газета (Париж). 1924. 29 нояб. № 186.

³ Первый очерк книги «Тень Птицы» сочетает в себе впечатления первой поездки Бунина в Константинополь в апреле 1903 года и путешествия 1907 года.